

перегретых под ногами, перенапряженных проводов, как обжигает лицо не в меру раскаленный воздух, какие подозрительные гулы ползут по земле не только от пробуждения материков или зарождения новаторских идей, но и еще от чего-то...». И в конце выступления Леонов четко обозначает идейную направленность всего им сказанного: «...Еще более, чем вас, мне требовалось убедить самого себя в примате гражданина над художником»⁴.

В произведениях Леонова с редкой хронологической точностью нашли отражение главные события в становлении и развитии нашего общества. Это, кстати, в свое время давало возможность вульгарно-социологической критике рассматривать их в чисто иллюстративном плане. Современная критика, отнюдь не сводя к реальным параллелям содержание леоновских книг, вместе с тем единодушно отмечает как их особое индивидуальное качество — соответствие жизни, хотя очевидно, что оно не может быть свойственно творчеству одного только Леонова. В Леонове же это качество поражает прежде всего потому, что оно уживается в нем со склонностью к обобщениям широкого нравственно-философского плана, в которых как раз снимается фактическая и временная прикреплённость явлений.

Леонов пришел в литературу в первые послеоктябрьские годы. В нем глубоко отложилось сознание, что его писательская судьба совпала со временем исключительной исторической значимости — «рождением еще неслыханного мира»⁵, «громадным по размаху куском истории, где нам отведено место для жизни и деятельности»⁶. Освоение литературой этого материала небывалой новизны должно было идти, по убеждению Леонова, прежде всего с этической точки зрения. Выявить моральные основы социалистического общества, помочь их утверждению — в этом видел Леонов насущную задачу советских писателей. «Это наше основное дело, — сказал он на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, — показать в образах, глубоких и запоминающихся, великое столкновение идей, разработать хотя бы вчерне принципы новой морали...»⁷.

Книги самого писателя и представляют собой исследование духовно-нравственного состояния нашего общества на разных этапах его развития⁸. Из факта действительности Леонов извлекает его нравственно-философский смысл, тем самым делая его достоянием духовной истории народа. В этом удивительном умении органически связать то, что составляет движение сегодняшней жизни, с непреходящими нравственными ценностями, которые как национальное наследие передаются из поколения в поколение, заключается особенная черта народности творчества Леонова.

Творческий мир Леонова, как всякого большого художника, представляет собой целостное единство, все элементы которого взаимодействуют между собой и большое отзывается в малом. Так общая идейная направленность творчества Леонова находит в конечном итоге соответствие в структуре его художественного образа.

Предмет изображения в леоновском образе существует в двух измерениях: в своей реальной данности, со всеми ему присущими свойствами, и как объект авторского отношения и оценки.

⁴ Форма и цель. — Там же, с. 341.

⁵ Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. — Там же, с. 37.

⁶ Шапошников В. Великий урок. [Запись беседы с Леоновым]. — «Моск-ва», 1974, № 5, с. 212.

⁷ В кн.: Леонов Л. Литература и время. Избранная публицистика. М., «Молодая гвардия», 1967, с. 37.

⁸ Этой проблеме посвящены две наиболее значительные из работ последнего времени о творчестве писателя — книги Е. Стариковой «Леонид Леонов» (М., «Художественная литература», 1972) и Л. Финка «Урок Леона и Леонова» (М., «Советский писатель», 1973). На наш взгляд, Е. Старикова глубже проникла в существо духовно-нравственных связей между писателем и действительностью, показав их во всей подлинной сложности и как факт развития художественного сознания Леонова.